

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(493)

РОЛЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ОБЪЕДИНЕННОГО НИДЕРЛАНДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Новохатский Александр Иванович, студент, направление подготовки 46.03.01 История, Оренбургский государственный университет, Оренбург
e-mail: maminamargo@mail.ru

Попов Виталий Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Оренбургский государственный университет, Оренбург
e-mail: vita.-80@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена актуальному для изучения историческому этапу европейской истории начала XIX века, что характеризуется столкновением консервативных устремлений власти с ростом национального самосознания, развитием прогрессивного законодательства и либеральных устремлений общества. Основная цель исследования – анализ малоизученного феномена консолидации либеральной и клерикальной оппозиции Нидерландского королевства на фоне деятельности ее активных представителей. Особое внимание уделяется подъему католической партии в рамках противостояния с властью. Таким образом, практической значимостью работы является выявление причин складывания предреволюционной обстановки в государстве с акцентом на вышеуказанные обстоятельства. В начале статьи говорится о необходимости исследования уникальной внутриполитической ситуации, сложившейся в Нидерландском королевстве, дается краткий историографический обзор. Далее приводится анализ деятельности монарха, Виллема I, который волею случая встал во главе объединенного государства. Подобные решения Венского конгресса, на наш взгляд, не имели какой-либо продуманной инициативы или созидательной цели. Многого решалось в пику свергнутому «корсиканскому узурпатору». Отсюда и апелляция на отжившие монархические институты власти, вступающие в противоречия с прогрессивными началами, заложенными Кодексом Наполеона. Новоявленный король, не желая учитывать национально-религиозный фактор, проводя политику установления режима личной, неограниченной власти, приводит общество к порогу гражданской войны и революции. Важной частью исследования является изучение противостояния светской власти и рупора «католической оппозиции» в лице Гентского епископа. С этой целью подробно рассматриваются обращения последнего к обществу через прессу, а также к Римскому папе Пию VII. Фиксируются успехи высокопоставленного священника, на фоне недалекovidного монарха, отметившегося рядом неудачных законопроектов, провальных, главным образом, ввиду отсутствия понимания нюансов национальной политики. Гентский епископ, при этом активно задействовал фактор бельгийского, католического большинства, добившись, таким образом, успехов. Ломаю стереотипы, печатая воззвания в либеральной периодике, проявляя самоотверженность в достижении цели, он не только привлек симпатии общества, но и получил большое количество высокопоставленных конфидентов. В заключение анализируются последствия откровенно непродуманной политики Виллема I, приведшей к мощному социальному возмущению, апогеем которого становится независимость Бельгии.*

При написании статьи авторы обращались к общепринятым в подобных исследованиях методам исторического анализа: конкретно-историческому, сравнительному, проблемному, а также принципам научности, историзма и объективности, основанных на критическом анализе источников, их взаимопроверке и учете степени достоверности.

В контексте данной работы, весьма перспективным выглядит отдельное исследование, посвященное личности Мориса-Жана Мадлена де Бройля. Так, историография практически не затрагивает взаимоотношения данного иерарха с императором Франции Наполеоном I. Интерес также вызывает переписка Гентского епископа

скопа с Александром I, анализ которой мог бы раскрыть подробнее мотивы нонконформизма высокопоставленного бельгийского священника. В настоящей работе авторы, как и большинство исследователей данной темы, дают негативную оценку решению Венского конгресса по созданию единого Нидерландского королевства. Следует указать, что подобный проект не был спонтанным вердиктом, отсюда весомым потенциалом обладает исследование концепции итальянского католического священника и ученого Сципионе Пьятоли, связанной с вышеуказанным объединением, как созданием естественного противовеса Франции [2, с. 316]. Данная идея была встречена с одобрением в Петербурге, что представляется не случайным в силу совместной работы профессора Пьятоли с приближенным к Императору Александру I князем Адамом Ежи Чарторыйским. Можно ли утверждать, что Бельгийская революция это проблема самого проекта или все упиралось в действия Виллема I?

Ключевые слова: Нидерландское королевство, клерикальная оппозиция, епископ Гентский, привилегии римско-католической церкви, Генеральные штаты.

Для цитирования: Новохатский А. И., Попов В. Б. Роль католической церкви в условиях политического кризиса Объединенного Нидерландского королевства // Шаг в науку. – 2025. – № 1. – С. 104–110.

THE ROLE OF THE CATHOLIC CHURCH IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL CRISIS OF THE UNITED KINGDOM OF THE NETHERLANDS

Novokhatsky Alexander Ivanovich, student, training program 46.03.01 History, Orenburg State University, Orenburg
e-mail: maminamargo@mail.ru

Popov Vitaly Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Orenburg State University, Orenburg
e-mail: vita.-80@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the relevant historical stage of European history at the beginning of the 19th century, which is characterized by the clash of conservative aspirations of the government with the growth of national consciousness, the development of progressive legislation and liberal aspirations of society. The main purpose of the study is to analyze the little-studied phenomenon of consolidation of the liberal and clerical opposition against the background of the activities of its active representatives. Special attention is paid to the rise of the Catholic party in the framework of confrontation with the authorities. Thus, the practical significance of the work is to identify the causes of the formation of the pre-revolutionary situation in the state with an emphasis on the above circumstances. The introduction talks about the need to study the unique domestic political situation in the Kingdom of the Netherlands, and provides a brief historiographical overview. The beginning of the article provides an analysis of the activities of the monarch, Willem I, who by chance became the head of the united The Kingdom of the Netherlands. In our opinion, such decisions of the Vienna Congress did not have any well-thought-out initiative or creative purpose. Many things were decided simply in defiance of the deposed «Corsican usurper». Hence the hopes for obsolete monarchical institutions of power, which come into conflict with progressive principles based on the Code of Napoleon. It is not surprising that the new king, unwilling to take into account the national-religious factor, pursuing a policy of establishing a regime of personal, unlimited power, leads society to the threshold of civil war and revolution. An important part of the study is the study of the confrontation between the secular authorities and the mouthpiece of the «Catholic opposition» in the person of the Bishop of Ghent. To this end, the latter's appeals to society through the press, as well as to Pope Pius VII, are considered in detail. The successes of a high-ranking priest are recorded, against the background of a near-minded monarch, who noted a number of unsuccessful bills, which failed mainly due to lack of understanding of the nuances of national policy. The Bishop of Ghent, at the same time, actively involved the factor of the Belgian, Catholic, majority, thus achieving success. By breaking stereotypes, printing appeals in liberal periodicals, and showing dedication in achieving his goal, he not only attracted the sympathy of society, but also received a large number of high-ranking confidants. In conclusion, the author analyzes the consequences of the frankly ill-conceived policy of Willem I, which led to a powerful social outrage, the apogee of which is the independence of Belgium. When writing the article, the authors turned to the methods of historical analysis generally accepted in such studies: concrete historical, comparative, problematic, as well as the principles of scholarship, historicism and objectivity based on a critical analysis of sources, their mutual verification and taking into account the degree of reliability.

In the context of this work, a separate study on the personality of Maurice-Jean Madeleine de Broglie looks very promising. Thus, historiography practically does not affect the relationship of this hierarch with the Emperor of France, Napoleon I. The correspondence of the Bishop of Ghent with Alexander I is also of interest, the analysis of which could reveal in more detail the motives of the high-ranking Belgian priest's nonconformism. In this paper, the authors, like most researchers of this topic, give a negative assessment of the decision of the Vienna Congress to create a united Kingdom of the Netherlands. It should be pointed out that such a project was not a spontaneous verdict, hence the significant potential. There is a study of the concept of the Italian Catholic priest and scientist Scipione Piattoli associated with the above-mentioned association, as the creation of a natural counterweight to France [2, p. 316]. This idea was met with approval in St. Petersburg, which does not seem accidental due to the joint work of Professor Piattoli with Prince Adam Jerzy Czartoryski, who was close to Emperor Alexander I. Is it possible to say that the Belgian Revolution is a problem of the project itself, or was it all based on the actions of Willem I?

Key words: Kingdom of the Netherlands, clerical opposition, Bishop of Ghent, privileges of the Roman Catholic Church, States General.

Cite as: Novokhatsky, A. I., Popov, V. B. (2025) [The role of the Catholic Church in the context of the political crisis of the United Kingdom of the Netherlands]. *Shag v nauku* [Step into science]. Vol. 1, pp. 104–110.

В новой и новейшей истории крайне мало примеров того, когда церковь занимает оппозиционную позицию светской власти. И хотя тому, в начале XIX в. объективно способствовала деятельность Наполеона I, который начал распространять антиклерикальное законодательство в общеевропейском формате, тем не менее, негласный союз духовенства и государства был прочен. Здесь следует отметить, что французский император, лишив церковь крупной земельной собственности и политического влияния, продолжал назначать епископов и поддерживать их власть, не скупясь на финансовые издержки, понимая важность религиозного влияния на общество. Уход Наполеона с политической арены, определенно нарушил существующий баланс системы, так как пришедшие к власти его оппоненты, не пытаясь вникнуть в нюансы выстроенной политики, ломали многое в пике низвергнутому узурпатору. Одним из примеров подобного является сложившаяся к 1815 году в Нидерландском королевстве ситуация, как событие для Европы весьма оригинальное и показательное, на что указал академик АН СССР Нарочницкий А. Л. [6, с. 12]. Современная отечественная историография данного периода представлена несколькими исследователями, среди которых выделяется работа доктора исторических наук Намазовой А. С. Оценивая данный исторический этап, автор акцентирует внимание на том, что согласно решению Венского конгресса 1815 г., бельгийцы снова сменили хозяев, ими стали нидерландцы. Впрочем, отмечает ученый, господство это было недолгим [5, с. 78]. Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что национальный аспект является одним из определяющих. Однако мы не должны упускать из внимания скрытые пружины, что могут высвободиться из привычных пазов, ломая механизмы взаимодействия. Одним из таких толчков, стала непоследовательная, ситуативная политика короля Виллема I, что шла вразрез не только

национальным интересам не малой части населения, но и восстановила против себя духовных лидеров, чье экономическое могущество было подорвано, однако моральный авторитет, среди религиозных бельгийцев был еще силен. Таким образом, возникла уникальная, в том числе по современным меркам, коллаборация антиправительственной и клерикальной оппозиции, что привела к краху господствующий режим.

Приход к власти Виллема I 16 марта 1815 года был встречен бельгийским обществом с очевидным энтузиазмом, зиждившимся на противостоянии наполеоновской внешней политики и отблеском пожара Великой Французской революции, что вызывала жажду независимости и национального самоуправления. Неслучайны были и общие восторги по поводу дарования бельгийцам автономии, что декларировал генерал Вильгельм фон Бюлов после удаления узурпатора на остров Эльба в 1814 году. Однако над всеми этими позитивными ощущениями нависла тень Шомонской встречи антинаполеоновской коалиции, где виконт Каслри, осуществлявший внешнюю политику Уайт Холла, представил проект объединения Бельгии и Голландии в единое Нидерландское королевство, что и было утверждено Парижскими трактатами и Венским конгрессом 1815 года.

Между тем, вскоре, общий смысл либеральных деклараций первого короля Нидерландов был обесценен его явным консерватизмом, стремлением к установлению режима личной власти, абсолютизму, им же до тех пор порицаемому. Помимо этого, несмотря на существующий примат голландской конституции, статья 8 Парижского трактата прямо указывала на сохранение за бельгийскими провинциями ряда «самобытных преимуществ», а также полноценное пропорциональное представительство в Нидерландском парламенте [1, с. 109], что шло вразрез с рядом внутривластных актов и назначений Виллема I.

Удалив от власти деятельных, прогрессивных чиновников, новоявленный король окружил себя бездарностями, поднаторевшими лишь в придворных интригах. Его ближайшие советники, в частности, ван Маанен, успев в течении нескольких лет неоднократно поменять политическую окраску, снижавший репутацию «придворного флюгера», или ван Стрефкер, который заявлял, что «имеет одно лишь мнение и оно принадлежит королю» [6, с. 319], олицетворяли качество новой властной администрации. Стоит также здесь добавить, что первые лица государства имели ярко выраженную национальную принадлежность – голландскую.

Разумеется, бельгийское общество выражало явное неодобрение этим фактом ущемления национального достоинства. Неудивительно также и то, что издаваемые законодательные акты принимались самовластно и, соответственно, все последствия принятых решений привели в итоге к общенациональной катастрофе, и лежат целиком на короле. Действительно, «основной закон», по сути, не содержал каких-либо серьезных ограничений королевской власти. При этом, возможность прямых назначений на ключевые должности, отсутствие ответственного правительства явственно противоречило основным догматам конституционной монархии.

Начало обострения внутривластных проблем безусловно связано с пересмотром законов, что были приняты в 1814 году Соединенными провинциями. Конституция Нидерландов становится Основным Законом Бельгии, причем с важнейшей поправкой на то, что «сильные обстоятельства могут послужить причиной внесения дополнительных законов», однако нотабли Бельгии ее отвергли на открытом голосовании 1815 года. Подобное противодействие несколько озадачило короля, но он не отступил и по нескольким надуманным предложениям отменил часть голосов (например, 128 голосов он счел недействительными, так как проголосовавшие приняли такое решение, желая утвердить свободу вероисповедания). Однако король заявил, что согласно Лондонским протоколам это уже свершившийся факт, следовательно, голоса должны быть аннулированы, добившись принятия этого важнейшего документа [7, с. 253]. По сути, Виллем I совершил тем самым акт политического подлога, посеяв недоверие общества, плоды чего ему вскоре придется пожинать.

Итак, несмотря на то, что все члены государственной комиссии, созданной Виллемом I, разумеется, были им туда же и назначены, это не помешало возникновению конфликта по двум основополагающим направлениям – установление столицы Нидерландского королевства, ответственности министров и ор-

ганизации парламента. Если вопрос ответственности был быстро снят с повестки, то остальные, даже в этой овеванной заботами монарха среде, вызвали серьезные разногласия. После продолжительных дебатов было решено в принципе отказаться от упоминания самого понятия «столица», но с вопросом представительства достигнуть какого-либо решения, а тем более консенсуса, долго не удавалось, что показательно. Несмотря на желание короля сохранить единую палату представителей с бессрочным назначением, государственная комиссия постановляет учредить двухпалатный парламент, где верхняя палата должна состоять из 60 членов, пожизненно назначенных монархом, а нижняя – из 110 представителей обеих наций равным количеством [2, с. 320]. Подобное равенство вызвало очередную волну протеста бельгийского общества, так как, согласно переписи, количество последних на миллион превосходило численность голландцев. Очевидно, подобное уравнение в представителях, было, по меньшей мере, несоответствующим официальным демографическим показателям. Голландская сторона, впрочем, указывала на необходимость подсчета жителей возвращаемых колоний, согласно англо-голландской конвенции о возврате американских колониальных владений.

Данная конвенция содержала еще один пункт, что положил начало религиозного конфликта, а именно условие признания конфессионального равенства.

Бельгийцы, в большинстве своем, были весьма религиозны и авторитет католической церкви необычайно высок, в отличие от протестантской Голландии, что было достигнуто благодаря длительной испанской и австрийской оккупации. Соответственно, когда государственная комиссия приступила к обсуждению вышеуказанного пункта соглашения, известного под номером 191 [7, с. 255], католики заявили о своем полном несогласии. Наиболее бурно и открыто выразил свой протест епископ Гентский, Морис Жан принц де Бройль. Согласно позиции высокопоставленного священника, подобное равенство делало исповедание католицизма принципиально невозможным, ущемляло церковь, нивелируя ее привилегии. Его голос, в условиях начинающегося противостояния, зазвучал громко и угрожающе для власти. Эту оппозиционность и даже опасность, подчеркивал факт того, что саном своим он обязан был Бонапарту, а не Виллему I, и данное компрометирующее обстоятельство его нисколько не останавливало. Мало того, дерзкий иерарх находился в оппозиции и по отношению к корсиканскому узурпатору: не устранившись от опалы, он в 1810 году отказался от Креста Почетного легиона, посланного ему французским императором, поскольку считал, что не может принять подобную награду

в то время, когда Папская область находится в оккупации [9, с. 24].

Борьба за честь и привилегии церкви обернулась тогда для Мориса Жана де Бройля трехлетним заключением в Венсенском замке прославленным герцогом де Бофором. После освобождения, вернувшись в Бельгию, он занял свое место, ибо папа Римский считал действия Наполеона I незаконными. И спустя некоторое время епископ вновь становится на путь противостояния с властью. Подобный опыт показателен. Неудивительно, что для правительства и короля Нидерландов, епископ Гентский становится опасным, бесстрашным противником.

Разумеется, не столько свобода вероисповедания, становится камнем преткновения, сколько та опасность, что высокопоставленные сановники церкви усматривали в появившейся возможности допуска к папской иерархии представителей враждебных конфессий. Однако, как показали дальнейшие события, ни довольно либеральные «почтительные заявления», ни сквозившие радикальностью «папские указы» не были услышаны королем Нидерландов. Мало того, Виллем I настоял на обязательности знания голландского языка для всех кандидатов на общественные должности, а также в университетах Льежском, Лувенском и Гентском [2, с. 324]. При том, что католическая церковь не оставляла попыток донести до власти свое неприятие, активно используя прессу, в частности популярную газету «Бельгийский зритель» и «Почта Мааса»: «Сообщение Вашего Величества относительно того, что новая конституция должна провозгласить свободу всех вероисповеданий, повергло в смущение все умы... Эта опасная система, как известно, представляет собою один из основных пунктов современной философии, которая была для нас источником стольких бедствий. Она явно ведет к безразличному отношению к религии, к уменьшению ее влияния и, наконец, к ее совершенному уничтожению» [4, с. 13]. Не менее значимым было обращение членов коллегии епископов Бельгии к членам государственной комиссии, нотаблям, где в виде ультиматума было заявлено о том, что ни один член римской католической церкви не присягнет новой конституции, пока не будут изъяты отсюда положения о конфессиональных свободах. Подобный тезис был продублирован и в вышеупомянутой газете «Почта Мааса»: «Свобода вероисповедания ведет к безразличию, а это – к пренебрежению религией».

Тем временем, видя равнодушие власти к зыванным духовенства, епископ Гентский опубликовал документ под названием «Доктринальное суждение» [5, с. 216]. Здесь, Морис Жан де Бройль уже не апеллирует к власти, но обращается к своим прихожанам,

заявляя, что любой, присягнувший новоявленной богопротивной конституции, будет осужден церковью как изменник и отлучен. Таким образом, епископ переходит к призывам прямого неподчинения власти, что по сути уже является открытым мятежом.

Следующим его шагом становится обращение к Римскому папе Пию VII. Епископ Гентский был настолько убедителен в своем послании, что 16 мая 1816 года понтифик направил официальную ноту правительству королевства Нидерландов (через министра, находящегося в Риме). В послании говорилось, что Основной Закон Бельгии содержит утверждения, противоречащие католической вере, а также то, что противодействие епископов нельзя порицать, ибо они исходят из понимания веры и справедливости. Помимо прочего глава церкви указал, что истинно верующему давать присяги, которые могут противоречить его совести, представляется невозможным и преступным. Морис де Бройль дополнил обращение главы римско-католической церкви отказом возносить публичные молитвы за короля, о чем не преминул заявить со страниц католического вестника «Почта Мааса» [3, с. 167].

Между тем, Виллем I, закрыв глаза на папские декларации и выпады дерзкого епископа, продолжал усиливать свою власть. Король окончательно упраздняет Кодекс Наполеона I и вводит голландское право, средневековое по сути. Был упразднен суд присяжных, отменяется гласность, узаконено битье солдат. Бельгийский народ роптал. Французский Кодекс был прогрессивным правом в отношении практически всех сфер общества, а что касалось унижений нижних чинов, то все помнили высказывание Бонапарта: «Нет ничего хуже битого солдата, ибо он лишается главного – чести». Мало того, Виллем I решает узаконить клеймение, сечение и прочие пережитки темного прошлого, но, видя осуждение этого даже среди своих приближенных, он от этих идей отказался. Однако, сделав данную уступку, король настоял на других ужесточениях, начав с ограничения свободы печати [2, с. 325]. Любопытно, что Карл Маркс, рассуждая о роли бельгийской прессы в революции, не отводит ей главенствующей роли: Бельгийская печать не была бы бельгийской печатью, если бы она стояла вдали от революции, но точно так же бельгийская революция не была бы бельгийской, если бы она в то же время не была революцией печати. Революция народа проявляется во всем, она целостна [3, с. 321]. Следовательно, немецкий философ указывает на то, что пресса не являлась главным революционным органом, она была органичным ее продолжением. Очевидно, репрессивные меры в ее отношении носили избыточный характер и вели к прямо противоположному результату. Так

или иначе, по отношению к печати продолжали действовать драконовские методы, принятые еще в рамках борьбы с наполеоновской Францией. Они выражались, помимо прочего, стоянием у позорного столба, каторжными работами и рядом других средневековых наказаний.

Несмотря на это, примеру Мориса де Бройля, активно использующего прессу как политическую трибуну, последовали и другие иерархи римско-католической церкви, но власть уже приступает к репрессивным мерам. Так, последователь Гентского епископа, аббат Пьер Фере, опубликовавший обличительную статью в газете «Католик из Нидерландов», был арестован и приговорен к двум годам тюремного заключения, после чего власти обрушились и на редактора печатного издания, который за свою лояльность к оппозиции получил крупный денежный штраф. Страсти, впрочем, на этом не утихли. Вслед за бескомпромиссным де Бройлем, последовало выступление епископа города Намюра Шарля Франсуа де ла Года и кардинала, советника папы Пия VII, Консальви Эрколе [8, с. 123]. Высокопоставленные сановники внесли в повестку дня новое требование: право католического духовенства иметь представителей в законодательном собрании. При этом необходимо заметить, что среди оппозиционных иерархов церкви некоторую долю занимали конформисты, одним из которых стал авторитетный епископ города Мехелина (бывшей столице Испанских Нидерландов) Франсуа Антуан де Борие, который заявил о поддержке правительства. Однако свою позицию данная часть духовенства, и, собственно, де Борие, старалась не популяризировать. Впрочем, главный викарий того же Мехелина, по сути, первый заместитель и помощник епископа, выступил в поддержку радикального иерарха Мориса де Бройля, что едва ли было возможно без благословения своего патрона, не желавшего явно противодействовать власти. Следовательно, конформизм мехелинского епископа, был показной, что всем, разумеется, было понятно.

Между тем, оппозиционная деятельность епископа Гента все больше раздражала короля и, вскоре, последовало распоряжение правительства о вызове Мориса де Бройля в Брюссельский уголовный суд. Получив подобное известие, высокопоставленный священнослужитель, не раз заявлявший о недопустимости светского суда над духовенством, счел, что наиболее верным решением станет эмиграция и спустя непродолжительное время опубликовал очередную статью уже во французской прессе. Брюссельский суд, не дождавшись ответчика, приговорил опального епископа к заочной ссылке, однако Виллем I не смог сдержать мстительный порыв и не нашел ничего лучше чем рас-

порядиться вывесить в базарный день на главной площади Гента позорный плакат с перечислением всех прегрешений Мориса Жана де Бройля перед властью. Палач прибил плакат к столбу, установленному между двух ожидавших наказания преступников, что немедленно вызвало у толпы определенные эмоции, связанные с явной библейской аналогией.

Неудивительно, что странное, в средневековом вкусе, решение Нидерландского короля, склонило симпатии общества на сторону консервативного духовенства, добавив очки в копилку оппозиции. Политический эмигрант Морис де Бройль, между тем, торжествовал, особенно после того, как обвиненные в переписке с ним его помощники, гентские викарии, были оправданы Брюссельским судом. Неумолимый борец за сохранение примата католической церкви и бельгийской идентичности епископ Гентский продолжал свое противостояние с королем Виллемом I за границей, приступив к внешнеполитической деятельности. Так, в 1819 году Морис Жан де Бройль напечатал протест относительно положения дел с религией в Бельгии, адресованный императорам Австрии и России [6, с. 35].

Конфликт между светской властью и католической оппозицией не утих со смертью епископа Гента.

Очередная серия указов Виллема I, касающихся системы образования Нидерландского королевства, донельзя обнажила существующие противоречия между властью и церковью. Помимо прочих, наиболее остро чувства духовенства задела 226 статья Основного Закона, согласно которой образование ставилось под контроль правительства, а, следовательно, должно было управляться монархом-протестантом. Следом были изданы эдикты о реформах среднего и начального образования [2, с. 331]. Здесь король, в угоду стремления избавиться от иезуитов, которые как ему (вполне справедливо) казалось своим фанатичным противодействием создают разнообразные проблемы правительству и обществу, закрыл их школы, а также доступ в университеты всем получившим образование за границей. Данное постановление он дополнил распоряжением основать философский факультет при университете Льежа, с целью пропускать через него всех желающих поступить в епископские семинарии [5, с. 118]. Эта мера могла позволить повысить образовательный уровень пастырей, а также исключить из процесса нежелательных лиц, либо внушить им нужные идеи. Вслед за этим Виллем I постановил запретить открывать гимназии и колледжи без разрешения правительства, а при отсутствии оного запретить деятельность работающих.

Эдикты короля в данном единичном случае носили, несомненно, прогрессивный характер, так как

в перспективе эти законы создавали платформу для формирования лояльной власти духовенства, готового к переменам в обществе. Не случайно, один из видных либералов, член Генеральных штатов Бельгии, заявлял: «Государь, защищайте нас против иезуитов, но освободите от налогов на хлеб!» [5, с. 122].

Не успели высохнуть чернила, как духовенство выступило широким фронтом, звоня во все колокола, требуя у короля отказаться от радикальных образовательных инноваций. Несмотря на то, что Виллем I заручился поддержкой парламента, так как данное начинание в системе образования пришлось по вкусу многим либералам, он решает пойти на уступки клерикальной оппозиции, заключив конкордат с папой Римским. В соответствии с этим соглашением были открыты епископства в Брюгге, Амстердаме, Буа-ле-Дюке, а обучение на философском факультете становилось необязательным. Впрочем, вскоре король отверг папскую буллу о подчинении епископам всех семинарий, и конкордат, по сути, был аннулирован. Противостояние короля Нидерландов с католическим духовенством, гонения на епископов в условиях недовольства бельгийского общества, было тем более странно в свете избилующих примеров финала подобных действий. Свежи были события французской революции и те действия короля Людовика XVI, что провоцировали гнев народа, в частности арест кардинала Луи де Рогана по надуманным обвинениям.

Резюмируя, следует подчеркнуть тот факт, что деятельность Виллема I в управлении государством,

в конечном счете, объединила расколотое общество, либеральную и консервативно-клерикальную его части в единое целое – протестное. Король явно пренебрегал каноническим правилом – «разделяй и властвуй». И это был очень опасный сигнал. В «Истории Бельгии» Анри Перрена сказано: «В один прекрасный день, католические журналы выступили в защиту либерализма, а либеральные газеты стали отстаивать католические интересы, и правительство Вилгельма I потеряло голову от этой неожиданной перемены» [7, с. 312]. Следствием подобного, что очевидно, становится социальный взрыв.

Власть не была способна к вариативности в управлении и мимикрии согласно призывам бельгийского общества. Не желая привлечь к себе небольшими уступками какую-либо оппозиционную сторону, решив не отказываться ни от одного из пунктов своих политических и религиозных программ, король подписал приговор благополучию общества и очертил путь к независимости Бельгии.

Накал страстей достиг своего апогея, когда во Франции вспыхнула революция. Видя, что почва уходит из-под ног, Виллем I, предпринял запоздалые шаги, уволил одиозных министров, назначил экстренный созыв Генеральных штатов, однако его попытка взять под контроль взбунтовавшийся Брюссель закончилась неудачей, пролилась кровь. Это стало точкой невозврата. На сторону восставших перешли бельгийские войска. Вскоре народ Бельгии от лица Национального конгресса объявил о своей независимости.

Литература

1. Геерт М. Нидерланды. Каприз истории / Пер. с нидерл. А. К. Игнатенко. – М.: Весь Мир, 2013. – 224 с.
2. История XIX века: в 8 т. / под ред. Лависс Э., Рамбо А. – Т. 3. Время реакции и конституционные монархии. 1815–1847. Часть первая. – 2-е изд., доп. и испр. / Под ред. проф. Е. В. Тарле. – М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1938 – 631 с.
3. Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // Сочинения Том 1, Изд. 2. – М.: Госиздат, 1955 – 699 с.
4. Намазова А. С. Бельгийская революция 1830 г. – М.: Наука, 1979. – 206 с.
5. Намазова А. С. Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках – М.: Наука, 2008. – 390 с.
6. Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств от июльской революции во Франции до Парижского мира. – М.: Госиздат, 1946. – 60 с.
7. Пиренн А. Нидерландская революция. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 574 с.
8. Шатохина–Мордвинцева Г. А. Нидерланды в новое и новейшее время – М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2002. – 278 с.
9. Dumont F. M. L. (1913) Broglie Maurice-Jean de. *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 2, pp. 796–797.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2024; принята в печать: 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.